II

1. КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ СПИСОК[1]

Писание Софониа старца рязанца благослови отче: Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича

Поидемъ, брате, в полуночную стра(л. 122 об.)ну жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемь на горы киевьскыя. Первѣе всѣхъ вшедъ восхвалимь вѣщаго го Бояна в городѣ в Киевѣ, гораздо гудца. Тои бо вѣщии Боянъ воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскыимь княземь, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю Ярославу Володимеровичю, восхваляя ихъ пѣсми и гуслеными буиными словесы на русскаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣ(л. 123)евича, занеже ихъ было мужество и желание за землю руссьскую и за вѣру христианьскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища.

Се азъ князь великыи Дмитрии Иванович и братъ его князь Володимеръ Ондрѣевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостью, помянувше прадѣда князя Володимера киевьскаго, царя русскаго.

Жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха, взыди под синие облакы, пои славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его Володимеру Ондрѣевичю. Они бо взнялися какъ соколи со (л. 123 об.) земли русскыя на поля половетция.

Кони ржуть на Москвѣ, бубны бьють на Коломнѣ, трубы трубят в Серпуховѣ, звенить слава по всеи земли руссьскои, чюдно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, свѣтяться калантыри зачены, звонят колоколи вѣчнии в великом в Новѣгородѣ. Стоять мужи наугородци у святыя Софии аркучи такову жалобу. Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспѣти.

Тогды аки орли слѣтошася со всея полунощныя страны. То ти (л. 124) не орли слѣтошася, съѣхалися всѣ князи русскыя к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, аркучи такъ: господине князь великыи, уже поганыи татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашю у нас отнимають, стоятъ межю Дономь и Днѣпромь, на рицѣ на Чечѣ. И мы, господине, поидемь за быструю рѣку Донъ, укупимь землямь диво, старымь повѣсть, а младымь память.

Тако рече князь великыи Дмитрие Иванович своеи братии русскимь княземь: братьеца моя милая, русские князи, гнѣздо есмя были (л. 124 об.) едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречату, ни тому псу поганому Мамаю.

---

[1] *№ 9/1086, 1470-х гг. Гос. Публ. библ. в Ленинграде.*